

Добрыня и Маринка. Выявление древнего мифа, лежащего в основе былины

Лестев А.В.

*аспирант Казанского государственного университета культуры и искусств,
antonraben@mail.ru*

В статье подробно рассматривается сюжет былины о Добрыне и Маринке в целях выявления древнего календарного мифа, лежащего в ее основе, а также образы главных героев былины – Добрыни и Маринки, за которыми скрываются древние славянские боги.

Ключевые слова: былина, миф, язычество, мифологические представления

<p>Для цитаты: Лестев А.В. Добрыня и Маринка. Выявление древнего мифа, лежащего в основе былины [Электронный ресурс] // Язык и текст langpsy.ru. 2014. №2. URL: http://langpsy.ru/journal/2014/2/Nurmuhhmetov.phtml (дата обращения: дд.мм.гггг) Lestev A.V. Dobrynya and Marinka. Discovering ancient myth which is underlies in traditional bylina (heroic poem) [Elektronnyj resurs] «Jazik I tekst langpsy.ru», E-journal «Language and Text langpsy.ru», 2014. no. 2. Available at: http://langpsy.ru/journal/2014/2/Nurmuhhmetov.phtml (Accessed dd.mm.yyyy)</p>

В последнее время заметно возрождение интереса отечественных исследователей к истории языческой Руси, к ее мифологии и мировоззрению, однако, эта тема остается крайне сложной, полной противоречий и темных мест. Одним из наиболее малоизученных аспектов древнерусской культуры остаются народные сказания и былины. В данной статье я проведу разбор былины «Добрыня и Маринка», раскрыв ее древние языческие корни, мифический и ритуальный смысл. В своем исследовании я использую былины, приведенные в книге: Добрыня Никитич и Алеша Попович. М.: Наука, 1974. 448 с. В данном издании приведено пять вариантов былины: № 12 С. 56-57; № 26 С. 155-157; № 27 С. 157-159; № 28 с. 159-165; № 29 С. 165-166. Из этих пяти былин нас преимущественно интересуют две: № 26, печатающаяся по тексту сборника: Гильфердинг, III, № 267, записано в 1871 г. на Кенозере от Игнатия Григорьевича Третьякова [2, с. 392]; и № 29, печатающаяся по тексту сборника: Астахова, БС, 1, № 7, записано в 1928 г. в д. Лебская Лешуконского района от Ефрема Матвеевича Лешукова [2, с. 393].

Сюжет этих былин наиболее близок друг другу и соответствует нашей задаче. Схематично сюжет данных былин выглядит так: «Добрыня отправляется в город погулять, матушка предупреждает его не ходить к Маринке, однако Добрыня ослушивается матушку и идет к Маринке; увидев голубков на окне, он решает в них выстрелить из лука, но попадает в любовника Маринки – Змея (в других вариантах Тугарина Змеевича, Кощея). После чего Маринка околдовывает Добрыню, он в нее влюбляется, она превращает его в тура, после чего при помощи заговоров и угроз Добрыню спасает мать (в других вариантах сестра, бабушка-задворенка). В конце Добрыня убивает Маринку». Для начала мы рассмотрим образы главных героев этой былины. Маринка в былинах награждается отрицательными эпитетами: злодейка, ненавистница, потравница, отравщица, зла-лиха, зла безбожница и т.д. Имя главной героини былины явно указывает нам на древнюю языческую богиню смерти – Морену, которая также

была известна у разных народов под именами: Мара, Мароса, Марашка, Мардзана, Мора, Моревит, Мура, Мурашка и т.д. Дмитрий Оттович Шеппинг сообщает, что: «Корень мор, смрд, мрж, мрз находим мы во многих славянских словах: мор - в значении смерть, морить, умора, мороз, мрак, мерзость, мракотно и пр.» [8, с. 44]. Учитывая такое разнообразие вариантов имени богини, существует вероятность того, что в поздних вариантах она была названа Маринкой – Мара = Морена = Марашка = Маринка. Другим фактом, указывающим на то, что Маринка из былины - это богиня смерти Морена, является то, что в качестве ее любовника выступают: Змей или Кощей. Как известно, в русских сказках Кощей выступает в роли бессмертного колдуна, хозяина смерти, и мог восприниматься как любовник богини смерти. Про связь Маринки из сказок и былин с древней богиней писал еще Дмитрий Оттович Шеппинг: «Марина же, как и Мария, может почитаться здесь за ошибочное произношение Марены или Морены – богини смерти и зимы, преобразившейся в злую чародейку» [8, с. 131]. Красота и молодость Маринки, как впрочем, и ее распутное поведение могут косвенно намекать на другую сторону Марены как богини осеннего плодородия и жизненных циклов.

У славян год разделялся по различным положениям солнца на две половины, которые соответствовали полугодиям Живы и Морены. В полугодие Морены входила осенняя пора жатвы, собирания плодов, отдыха от летних трудов, характеризующая Морену как богиню плодородия. Очевидно, что впоследствии, особенно после распространения христианства, дуалистическая природа Морены отходит на второй план, а ее значение как богини смерти и связанные с этим отрицательные мотивы и эпитеты выходят на первый план. В роли Живы как противопоставления Морене в былине, скорее всего, выступает мать Добрыни, которая также обладает магической силой и угрожает Маринке превратить ее в собаку. Тогда кто же такой Добрыня?

Имя Добрыни может указывать на другого славянского бога – бога солнца Ярыло: Добрыня = Ярыня = Ярыло = Яр. Среди славянских народов встречаются также варианты имени: Яровит, Ярила, Яссен и другие. Яр – бог весеннего солнца. Весеннее солнце молодое, жгучее и озорное, таким же, по сути, предстает Добрыня в былине, поехав погулять по городу и развлечься. Изменение имени, в данном случае, вполне объяснимо: солнце всегда несет добро, поэтому изменение корня *яр* на корень *добр* вполне возможно. Стоит отметить, что идея о том, что в образах былинных богатырей скрыты древние славянские боги, уже получила свое распространение в научных кругах. В своем исследовании «Боги и демоны «Слова о полку Игореве» А.В. Ткачев подробно рассматривает и доказывает, что в образе Ильи Муромца скрыт образ Перуна – Трояна [Ткачев 2002, с. 242], в образе Святогора – Род [6, с. 243], в образе Миклулы Селяниновича – Хорс [6, с. 260], в образе Василия Буслаевича – сын варяжского Одина [6, с. 215]. В данном месте необходимо вспомнить эпизод, из-за которого в дальнейшем происходят все события: «Едет мимо ейный дворец. Сидит на окошечке голубок у ей. – «Уже я пошучу шутоцку над Маринкой». Вынул калену стрелу, заредил тугой лук и стрелил этого голубка на окне» [1, с. 165]. В данном случае стрелы могут символизировать лучи солнца, а сам акт стрельбы в птицу с точки зрения календарного мифа символизирует наступление сезона охоты. С другой стороны птицы являются одним из символов Мары, ее вестниками, спутниками, прилетающими из-за моря, т.е. из другого мира, да и сама Мара предстает в «Слове о Полку Игореве» в виде девы Обиды с лебедиными крылами [6, с. 233]. В былине «Добрыня и Малиновка» Мара уже скрыта за именем Малиновка, а малиновка – это, как мы помним, птица. Про связь птиц с потусторонним миром А.В. Ткачев писал: «Символика лебедя-смерти связана, по-видимому, с древними представлениями о водной преграде на пути в царство мертвых или же вообще с образом моря как вместилища смерти и символом того света. Отсюда же идет знаковый смысл водяных и водоплавающих птиц – утка, гусь, цапля, журавль, лебедь – в вазовой живописи древних греков, где все эти птицы олицетворяют царство мертвых и указывают на «потусторонность» места действия мифологических сюжетов вазовой росписи»

[6, с. 235]. В данном случае, очевидно, что такая символика была распространена и на других птиц, вспомним хотя бы кукушку, предсказывающую, сколько кому лет осталось жить. Про такую молодецкую забаву в виде стрельбы по птицам Ткачев писал: «Гуси-лебеди приурочены к морскому берегу народных сказаний – это былинный берег «синего моря», Нави, к которому они прилетают из неведомого. Русские богатыри прежде чем приступают к истреблению «младых змеенышей» стреляют гусей-лебедей, - это действия одного порядка, а вовсе не молодецкая охота: былина практически не знает прославления «ловитвы» [6, с. 231]. Случайное убийство любовника Маринки – Кощея (или Змея) символизирует победу весеннего солнца над холодом и мраком зимы. Вся эта компания – Змей Горыныч, Кощей и птицы символизируют потусторонний мир, они его порождение. Также интересно и начало былины, где матушка просит Добрыню не ходить на «царев кабак», не пить до пьяна «зелена вина», не ходить «во улицы Игнатъевски, во те переулки во Маринкины». Обычно в почине былины мать наказывает не ездить на горы Сорочинские, не купаться в Пучай-реке, реке Смородине – это все символы потустороннего мира, откуда приходит гибель и прилетают чудища, например, Змей Горыныч.

В данном случае наказ матери Добрыни в былинах о Добрыне и Маринке полностью соответствует традиционным мифопоэтическим приемам: отсюда и «не пить зелена вина», которое можно понять как яд, потому что зеленый цвет для вина обычного не характерен, и тем более «переулки Маринкины» напрямую говорит о царстве смерти. Однако все это выглядело бы не столь убедительно, если бы не последующий эпизод былины, в котором Маринка околдовывает Добрыню и превращает его в тура. Тур – это бык, но для нас главное, что бык является общим индоевропейским символом солнца: Апис – земной представитель бога Ра у египтян, Ваал в форме черного быка у финикийцев и халдеев, Зевс в виде тура, похищающий Европу у греков и многие другие свидетельства [8, с. 97]. В одном из вариантов былины Добрыня превращается именно в золоторогого тура: «Всем атаман-золотыя рога!» [7, с. 162]. В русской традиции имена Тура (в скандинавской традиции известного как Тор) и бога весеннего солнца Яра слились в одно слово Яр-Тур [8, с. 58]. В «Слове о полку Игореве» мы уже видим пример более позднего применения эпитета тур для описания храбрости и силы воинов: «И рече ему буй туръ Всеволодъ» [4, с. 54], «Ярь туре Всеволодъ!» [4, с. 64]. Таким образом, превращение озорного богатыря в безмолвного тура символизирует собой наступление холодного времени года, победу холода и мрака над теплым солнцем. Дальнейшее спасение Добрыни матушкой при помощи дев или сестер символизирует возвращение солнца и его победу над холодом.

Два эпизода былины, где Добрыня околдованный Маринкой влюбляется в нее и где после спасения матушкой женится на ней, символизируют переходные периоды, когда солнце еще греет, но природа увядает и когда зима еще не отступила, но солнце уже начало греть. В первом случае победу одерживает богиня зимы и смерти, превращая солнце в тура, во втором случае побеждает бог солнца, убивая богиню смерти после свадьбы. Оба этих эпизода находят свое отражение и в народных праздниках, существовавших у славян. Так Дмитрий Оттович Шеппинг сообщает, что существовали праздники Яр-Тура или Ярила, сопровождающиеся разгульным весельем и пьянством. На этих праздниках существовало обыкновение хоронить чучело, символизирующее Ярило: «женщины и мужчины собирались в каком-нибудь месте, где предавались пьянству и пляскам до захода солнца, потом выносили на улицу соломенное чучело мужского пола со всеми его естественными частями и клали в гроб. Женщины, разгоряченные вином, подходили к чучелу с громким воплем и рыданиями и произносили: помер он! помер!» [8, с. 59]. Похожий обряд существовал и для похорон Морены, когда ее изображение хоронили при наступлении весны, олицетворяя окончание зимних холодов и смерть прошедшего года [8, с. 48]. Этот обряд Шеппинг описывает следующим образом: «Парни или девки собираются в первых днях марта месяца и носят по деревне соломенную куклу или длинный шест, обвешанный женскими платьями. После чего они спешат это чучело бросить в

реку или болото или сжигают его посреди деревни, сопровождая эти обряды хороводными песнями, в которых до сих пор еще слышно имя Моры или Морены» [8, с. 124]. Сравнивая эти обряды между собой и с эпизодами из былины, мы увидим, что похороны Яр-Тура и превращение Добрыни в тура сопровождаются грустными мотивами и интонациями, тогда как похороны Морены и убийство Маринки воспринимается с радостью. Свадьба Маринки и Добрыни характерный мифопоэтический эпизод, представляющий смерть в виде невесты: «Умирая от ран, добрый молодец, по свидетельству русской песни, наказывает передать своим родичам, что женился он на другой жене, что сосватала их сабля острая, положила спать калена стрела» [6, с. 234].

Таким образом, былина о Добрыне и Маринке может быть поздней интерпретацией древнего мифа о Яре и Море и о смене времен года. Причиной для такой интерпретации может быть естественное развитие мифологии и религиозных верований, заключающееся в переходе от поклонения природным божествам к поклонению антропоморфным божествам и их дальнейшему очеловечиванию вплоть до их перехода в разряд культурных героев. Также нельзя исключать возможность шифрования древних мифов в связи с распространением христианства. Восстановленная версия мифа может выглядеть следующим образом: «Бог солнца Яр путешествует по миру. Стреляя своими лучами-стрелами, Яр убивает Кощея – любовника богини смерти, несущего мрак в этот мир. За это богиня смерти Мора мстит Яру, околдовывая его и превращая в тура, т.е. в земное воплощение бога солнца, не имеющее божественных сил. Богиня лета и жизни Жива – мать Яра угрожает Море поступить с ней также, от чего Мора решает вернуть Яра, но с условием, что он женится на ней. Мора превращает Яра обратно, он берет ее замуж, но после свадьбы убивает, тем самым одерживая победу над смертью и холодом».

В исследованиях былин преобладают попытки исторического истолкования героев и их поведения. Так Добрыня по обыкновению считается дядей князя Владимира, а Маринку интерпретируют как жену Лжедмитрия I Марину Мнишек, а саму былинку как отражение борьбы против иноземцев, воспринимающихся как безбожники, либо как борьбу Добрыни против язычества во времена князя Владимира [2, с. 391]. Подобные истолкования в отношении этой былины, как впрочем, и некоторых других считаю неверными, скорее всего исторические персонажи повлияли лишь на трансформацию имен главных героев и на попытки тех или иных сказителей объяснить и упростить понимание сюжета. Намеренная же встреча двух исторических персонажей, разделенных веками, в столь необычном сюжете является маловероятной. Того же мнения по поводу былин придерживается и А.В. Ткачев: «Святогора и Муромца традиционно трактуют как богатырей разных поколений и разных эпох: догосударственной и государственной. Думается, что это только часть объяснения, слишком очевидна сакральная подоплека предания» [6, с. 242]. Сюжеты былин, рассказывающих о борьбе Добрыни против Змея Горыныча, также уходят вглубь веков, они гораздо древнее, чем история дяди князя Владимира. Подобные сюжеты встречаются в мифологии огромного числа народов, например противостояние древнеегипетского бога Ра и змея Апопа, битва скандинавского бога Тора и змея Ёрмунганда (Мидгард), убийство японским богом Суса-но-о-но микото змея Ямата-но ороты и другие. Во всех сюжетах в качестве победителей змеев выступают небесные боги солнца, грома или бури, по этой причине мы можем смело предположить, что в образе богатыря Добрыни сокрыт древний образ небесного бога Яра или Яр-Тура. В этом смысле развитие образа бога Суса-но-о-но микото в японской мифологии является крайне показательным. Появившись вначале в качестве бога бури и проводника в загробное царство, бог Суса-но-о приобретает антропоморфные черты, спускается на землю и становится культурным героем области Идзумо, убивая, подобно Добрыне, Змея. В более поздних сказках Суса-но-о умирает и его хоронят на вершине горы.

В исследованиях былины не раз отмечалось, что былина «Добрыня и Маринка» соткана

из сказочных мотивов, «Местами только переставленных, измененных или, правильнее, искаженных» [5, с. 144]. С таким мнением нам, безусловно, стоит согласиться, т.к. в былине действительно очень много различных сюжетов и мотивов, уводящих исследователей в разные направления: от поиска исторических прототипов в Марине Мнишек до сопоставления былины со сказками и мифами мирового фольклора, в которых встречаются оборотни и ведьмы-чародейки. В своем исследовании же я пытаюсь обратить внимание на скелет былины, на который уже поздними сказителями были навешены другие сюжеты. Отличительной чертой данной былины является цикличность сюжетов характерная для мифов о смене времен года.

Такие мифы всегда связаны с представлением о чередовании жизни и смерти. Согласно «Мифологическому словарю»: «Распространен календарный миф об уходящем и возвращающемся или умирающем и воскресающем герое (ср. мифы об Осирисе, Таммузе, Балу, Адонисе, Аттисе, Дионисе и др.). В результате конфликта с хтоническим демоном, богиней-матерью или божественной сестрой-женой герой исчезает или погибает или терпит физический урон, но затем его мать (сестра, жена, сын) ищет и находит, воскрешает, и тот убивает своего демонического противника» [3, с. 637]. Удивительно, насколько такая характеристика и описание календарных мифов совпадает по сюжету с былиной о Добрыне и Маринке.

На основании вышеизложенного я выдвигаю предположение, что в основе былины о Добрыне и Маринке лежит древний календарный миф, главными героями которого выступают: бог солнца – Яр и богиня смерти – Мора.

Литература

1. Добрыня и Маринка // Добрыня Никитич и Алеша Попович. М.: Наука, 1974. С. 165 – 166.
2. Добрыня Никитич и Алеша Попович. М.: Наука, 1974. – 447 с.
3. Мифологический Словарь / Гл.ред. Е.М.Мелетинский. М.: Сов. Энциклопедия, 1990. – 672 с.
4. Слово о полку Игореве. Калининград: Кн. Изд., 1970. – 230 с.
5. *Сумцов Н.Ф.* Былина о Добрыне и Маринке // «Этнографическое обозрение», 1892, № 2-3, С. 144.
6. *Ткачев А.В.* Боги и демоны «Слова о полку Игореве». М.: «Жизнь и мысль», 2002. В 2 тт. Т. 1 – 496 с., Т. 2 – 400 с.
7. Три года Добрынюшка стольничал // Добрыня Никитич и Алеша Попович. М.: Наука, 1974. С. 159 – 165.
8. *Шеппинг Д.О.* Мифы славянского язычества. Екатеринбург: У-Фактория; М.: АСТ МОСКВА, 2008. – 301 с.

Dobrnya and Marinka. Discovering ancient myth which is underlies in traditional bylina (heroic poem)

Lestev A.V.

postgraduate student of Kazan State University of Culture and Arts, antonraben@mail.ru

The article details the story of epics and Marinka Dobrnya to identify ancient calendar myth of the underlying, as well as images of the main characters of epics - Dobryni and Marinka, behind which lurk in the ancient Slavic gods.

Key words: epic, myth, pagan, mythological ideas

References

1. Dobrynia i Marinka // Dobrynia Nikitich i Alesha Popovich. M.: Nauka, 1974. S. 165 – 166.
2. Dobrynia Nikitich i Alesha Popovich. M.: Nauka, 1974. – 447 s.
3. Mifologicheskii Slovar' / Gl.red. E.M.Meletinskii. M.: Sov. Entsiklopediia, 1990. – 672 s.
4. Slovo o polku Igoreve. Kaliningrad: Kn. Izd., 1970. – 230 s.
5. Sumtsov N.F. Bylina o Dobryne i Marinke // «Etnograficheskoe obozrenie», 1892, № 2-3, S. 144.
6. Tkachev A.V. Bogi i demony «Slova o polku Igoreve». M.: «Zhizn' i mysl'», 2002. V 2 tt. T. 1 – 496 s., T. 2 – 400 s.
7. Tri goda Dobryniushka stol'nichal // Dobrynia Nikitich i Alesha Popovich. M.: Nauka, 1974. S. 159 – 165.
8. Shepping D.O. Mify slavianskogo iazychestva. Ekaterinburg: U-Faktoriia; M.: AST MOSKVA, 2008. – 301 s.